

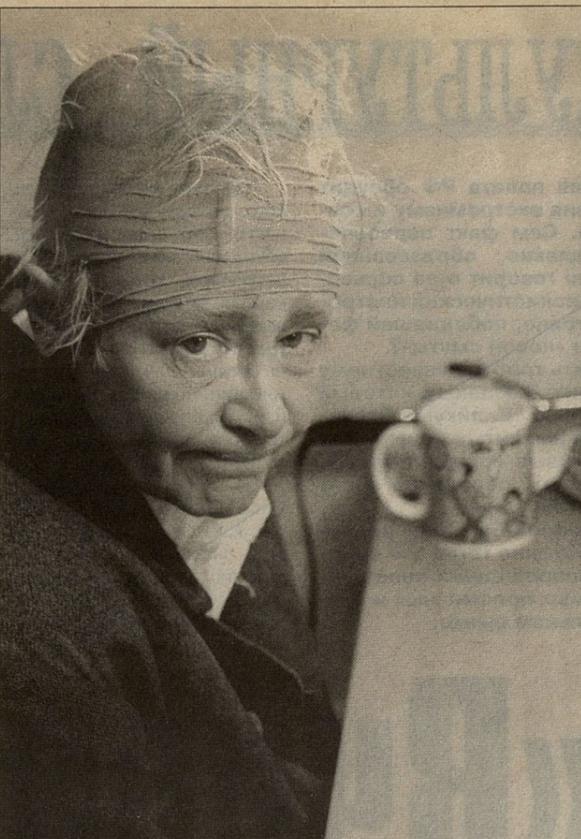
Новая газ.
вый ботинок на левую ногу и наоборот...». Пересечения, пересечения, пересечения... Дух Акакия Акакиевича витал у Калинкина моста в Петербурге, а я, родившись в этом городе, где «жило» так много его персонажей, жила именно там: у Калинкина моста...

Начало спектакля: сижу в шинели, на маленькой лесенке, зажата (зажатый?) со всех сторон, не смея пошевелиться (зрители входят в зал, а я почти среди них), но главное для меня сейчас не они: проверить в который раз на месте ли перо, лист, на котором буду писать, кружка с водой, свеча, его-моя жизнь в этом пространстве. Идет снег, он медленно падает на этом экране-стене; вздохи петербургского ветра, его порывы, скрипы, звуки, а я — Башмачкин в доме-шинели — жду, когда рассядутся по своим местам шумные зрители, я — он — сонный выйду из шинели, и луч солнца-софита попадет на кончик моего носа, я медленно-медленно, еще досыпая, выползу из этого привычного тепла, по кажодневному кругу все быстрее и быстрее побегу на службу, поднимусь по ступенькам, достану перо, проснусь окончательно и наконец скажу: «МИЛО-СТИ-ВЫ-Й ГОСУДАРЬ...». И кокетливая буква «о», и забавная «у», и совсем не любимая «с».

Я всегда испытывала невероятное сострадание к нему: к Акакию Акакиевичу — маленькому и несчастному, но вдруг мне стало казаться, что для его счастья нужно так немного: любимые буквы — счастье, пробуждение — счастье, тепло и луч солнца и когда никто не мешает — тоже счастье, а написание фразы — как подарок и рождение музыки. А новая шинель — как влюбленность и любовь. Она, эта любовь, — открытие незнакомой жизни, запах новой ткани, блеск нового воротника, ее тепло и ее — это никогда еще не испытанное — объятие, и «как будто я и не один, как будто какой человек... подруга жизни...».

Поддавшись искушению любви, соблазну, нарушив свой привычный ритм жизни, в какой-то степени изменив себе, он уже не сможет пережить потери. В каждом из нас в том или ином виде живет Акакий Акакиевич, если есть в нас душа — душа ли ребенка, старца, мужчины, женщины; каждый из нас хоть на минуту или секунду был им, каждого из нас хоть раз в жизни обокрали — душевно ли, духовно, физически, каждый когда-то был нелюбим, одинок... Эти странные, а впрочем, вполне естественные наши пересечения, сближения, сопереживания... *чувства...* Он ведь брат наш...

● Фото Юрия РОСТА

Неелова
Марина

20.03.06

Другая СЦЕНА
СОВРЕМЕННОСТИ

ВСМЕРХ ПО ДА

ПРЕМЬЕРА

ШИНЕЛ

В роли Башмачкина
МАРИНА НЕЕЛОВА

Спектакль проходит при участии:

исполнителей теневого сцен

Марины ЛИТВИНОВОЙ

Ирины МИШИНОЙ

Алексея ВЕСЕЛОВА

и ансамбля «Сирин»

режиссером Андреем...

Спектакль
ВАЛЕРИЯ ФОКИНА

Художник
Александр БОРОВСКИЙ

Сергей ГРИЦАЙ

Художник-пример
Татьяна Шмыкова

Спектакль идет без антракта

Как я вошла в «Шинель» Гоголя

15 апреля театру «Современник», основанному Олегом Ефремовым, исполняется 50 лет. Театроведы, критики и другие образованные люди ближе к дате напишут об истории, тенденциях и достижениях этого замечательного театра, возглавляемого Галиной Волчек.

А пока мы по-соседски (Неелова живет в нашем переулке) попросили Марину Мстиславовну дать нам ее сочинения о спектаклях, в которых она играла.

То, что Неелова — выдающаяся актриса современности, знают многие, то что она замечательно думает и пишет, наши читатели узнают из этой и других публикаций «Новой газеты».

В «Шинель» я вошла почти случайно, и началось это с шутки: сидя в «конюшне» у Юрия Роста, я, как всегда, ныла и плакала ему в жилетку с вечным вопросом: «Что играть?!». Он, как всегда, почти меня не слушая, но слыша, сказал: «А что бы тебе не сыграть «Шинель» — Акакия Акакиевича?». Я чуть не упала, задыхнувшись от дерзости, восторга, потрясения, но не сомневаясь ни минуты. С того момента я стала мечтать. Мечтала я довольно долго, до тех пор пока однажды, счастливо для меня, не встретилась случайно (а бывают ли случайности?!). Ю. Рост и Валерий Фокин и также неслучайно зашел у них разговор о Гоголе:

— А что ты не поставишь «Шинель»?
— Мечтал, мечтаю, а кто Башмачкин?
— Неелова.

Не знаю, что в этот момент подумал или почувствовал Фокин, но ему понадобилось только минута, чтобы сказать «да».

Я продолжала мечтать и ничего не знала об этой их встрече. И также неслучайно, по прошествии не знаю какого времени, на премьере Фокина «Ревизор» я подошла к нему с поздравлениями и услышала: «У меня к тебе предложение, которое тебя, может быть, удивит: давай сделаем «Шинель». Я чуть не упала во второй раз. Ведь я помню, как я завидовала Гарику Леонтьеву в фокинском спектакле «Нумер в гостинице города N». Я и не скрывала этой зависти, сразу признавшись им обоим в этом после спектакля. Я мечтала сыграть Гоголя у Фокина.

В это время театр «Современник» достраивал свою Другую сцену, которую решено было открыть премьерой «Шинели». Фокин раздвинул свой напряженный график, и мы стали думать об этом, уже конкретно говорить, он сочинял, я фантазировала на тему.

Начались репетиции. Их было много. Какое-то время они шли с перерывами, потом без перерывов каждый день. Ни о чем другом я уже думать не могла. Обсуждая все в мельчайших подробностях, ес-

тественно, коснулись и внешнего облика Акакия Акакиевича, и Фокин почти впроброс сказал, что Башмачкин должен быть лысым, я с радостью согласилась. Через какое-то время он снова это повторил и, не столкнувшись с моим возражением, сказал: «Ты, видимо, не поняла, что я имею в виду: ты должна *обриться* наголо». Ей-богу, меня в этот момент смутило только то, что у меня есть еще разные спектакли, в которых я все-таки играю женщин, и там мне волосы бы

Марина НЕЕЛОВА:

пригодились, тем более что они имеют обыкновение отрастать, и не могу же я бриться всю оставшуюся жизнь каждые три дня!

Его это совершенно не заинтересовало и не убедило. Значит, мне нужно было найти какой-то компромисс, какой-то театральный ход, так как обычный лысый парик в этот спектакль действительно не годился. Думала я с утра до ночи, и вдруг однажды в каком-то полусне пришла мне в голову спасительная идея. Чулок! Телесного цвета с надрезами и торчащими оттуда кое-где волосками. Полночи ушло на изготовление этой «головы».

Самое трудное было впереди — предстояло убедить Фокина, который «видел» меня лысой. «Это ведь пока только для репетиций, свои волосы мешают и мне, и тебе... а?». Каждый вечер дома я совершенствовала его. Наконец позвонила гримеру — Та-

тьяне Шмыковой — за советом и помощью. Она, как творческий человек, сразу включилась в работу и сделала ее изумительно (подтверждение чему — ее премия «Чайка» за грим в этом спектакле).

Теперь нужно было подумать о руках: они не могут быть моими. Из такого же чулка мой необыкновенный костюмер Ольга Маркина сотворила чудо, достойное восхищения. Может быть, это все и не главное, а сопутствующее, но «когда б вы знали, из какого сора...». Будучи женщиной, сложно сыграть Акакия Акакиевича со своими волосами, пластикой, руками, глазами... Кто он и какой, этот знакомый нам всем почти с детства и такой разный у всех Башмачкин?

Мне часто чудятся таинственные (случайные ли?) пересечения с моими персонажами; думаю, что это вполне естественно и объяснимо: ведь

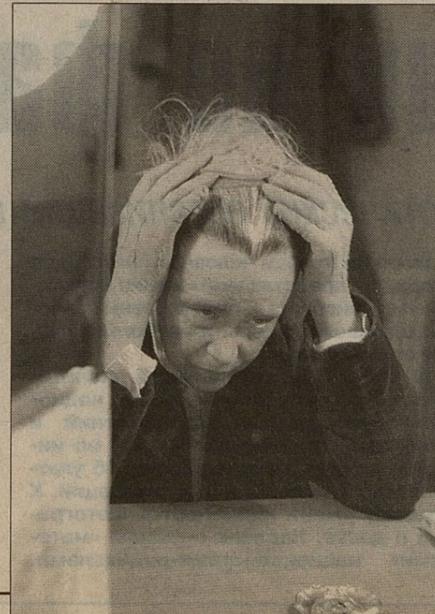
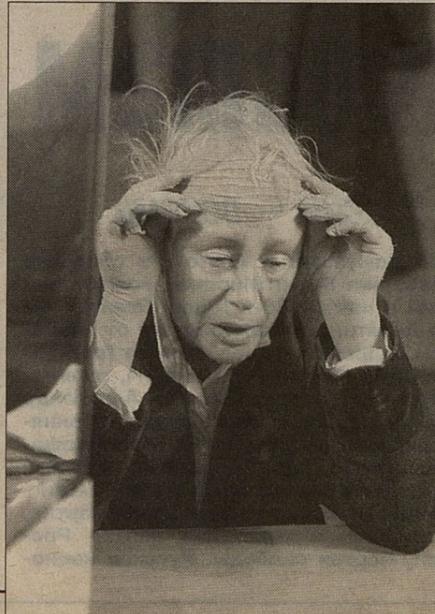
даже если их нет, актер создает их сам.

О чем только не говорили мы с Фокиным на репетициях, придумывая или создавая своего Башмачкина — кто бы слышал! — о моей собаке Дэнди, о наших детских ощущениях, о старости, смерти и рождении, но про это не рассказывают: репетиции — это интимно...

Приносят костюм Акакия Акакиевича: мешковатый сюртук, мужские ботинки — это новый шаг к нему, приближение. Не знаю, повинуюсь чему, сразу надеваю правый ботинок на левую ногу, левый

— на правую. Это никому не видно, кроме меня, но почему-то (мне это важно?) *это так надо*. Шаг, шаг, походка... Подходим к концу его жизни, и, укладываясь в уже «умершую» его старую шинель, которая стала его последним домом, вдруг после слов «виноватую, виновата-а-а-а!» кричу петушиным криком и слышу Фокина: «Во-о-от это уже похоже на Гоголя!». Откуда он взялся, этот петушиный крик?

Прошло немного времени, читаю Набокова о Гоголе и натякаюсь: «В детстве иногда по ночам Гоголь вдруг кричал петухом и любил надевать пра-

АНГ